

УДК 94(571.54) "1917"

DOI: 10.18324/2224-1833-2021-2-75-80

Феномен «двоевластия» в руководстве бурятским национальным движением в 1917 году

В.В. Бабаков^a, И.Б. Батуева^b

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Терешковой, 1, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

^aviktor.babakov@mail.ru, ^bi.batueva@mail.ru

Статья поступила 16.06.2021, принята 18.06.2021

В статье описывается начальный этап национально-государственного строительства бурятского народа в первые месяцы после Февральской революции в России. Рассматривается процесс создания двух общественно-политических руководящих центров национальным движением. Бурятско-Калмыцкого временного Организационного комитета в Петрограде, Бурятского национального комитета в Сибири. Анализируется соперничество между ними за лидерство и руководство национальным строительством. Подвергается разбору феномен фактически сложившегося с марта по июль 1917 года «двоевластия» в руководстве движением.

Ключевые слова: Февральская революция, Сибирь, Бурятком, Бурятско-Калмыцкий временный Организационный комитет, национальное движение, буряты, национальная интеллигенция.

The phenomenon of "dual power" in the leadership of the Buryat national movement in 1917

V.V. Babakov^a, I.B. Batueva^b

East Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

^aviktor.babakov@mail.ru, ^bi.batueva@mail.ru

Received 16.06.2021, accepted 18.06.2021

The article describes the initial stage of national-state construction by the Buryat people in the first months after the February Revolution in Russia. The process of creating of two socio-political leadership centers of the national movement is considered. They are the Buryat-Kalmyk Provisional Organizing Committee in Petrograd and the Buryat National Committee in Siberia. The rivalry between them for leadership and control of nation-building is analyzed. The phenomenon of the "dual power" in the leadership of the movement, which actually existed from March to July 1917, is analyzed.

Keywords: February Revolution, Siberia, Burnatkom, Buryat-Kalmyk Provisional Organizing Committee, national movement, Buryats, national intelligentsia.

Следствием победы февральской революции в России был всенародный подъем национального движения народов рухнувшей империи. Активизация общероссийских национальных процессов привела к форсированному национально-государственному строительству бурятского этноса. Во главе этого процесса встала национальная интеллигенция, общественные деятели, буддийское духовенство. Результатом их напряженных усилий, по объединению и мобилизации всех сил бурятского общества стало создание двух общественно-политических руководящих национальным движением центров. Бурятско-Калмыцкий временный Организационный комитет был создан в Петрограде, Бурятский национальный комитет

сформировался в Сибири. Между ними разгорелось ожесточенное соперничество за лидерство и руководство национальным движением, правом представлять в органах власти этнос, осуществлять национально-государственное строительство. Фактически с марта по июль 1917 года сложилась и существовала система «двоевластия» в руководстве движением. Этот феномен «двоевластия» мало изучен исследователями. Более глубокое изучение процесса практического складывания и развития двух руководящих центров, их конкуренция и соперничество, может представлять исторический интерес, быть актуальным и в наше время.

В феврале 1917 года, в России окончательно сформировался экономический и социально-политический кризис. Его негативное развитие ускорили последствия неудач на полях сражений Первой мировой войны. Царизм рухнул. Скорость развития социально-политических процессов, которые привели к победе революции, относительно легкой слом старой государственности показал, насколько слабой к тому времени была социальная опора самодержавия. Монархия оказалась неспособна решить давно назревшие важнейшие внутриполитические проблемы, одной из которых было незамедлительное решение национального вопроса.

Власть в стране оказалась в руках либералов и умеренных социалистов, которые провозгласили своими главными целями демократизацию общественно-политической жизни общества. Решение национального и краугольных социально-экономических вопросов было отложено до созыва Учредительного собрания.

Империализм и мировая война существенно ускорили ход исторического развития, в обществе возникла потребность в быстрых и более радикальных преобразованиях. Инородческие окраины империи не хотели ждать будущего смутно-неясного, бюрократически затянутого по времени, решения национального вопроса органами центральной власти. Нерусские народы, в лице национальной интеллигенции, духовенства, чиновничества, желали сами определять и формировать, как минимум, культурно-национальную автономию в рамках многонационального государства, либо, как максимум, собственную национальную государственность. В результате данных естественных пассионарных процессов возникла реальная опасность дробления империи по национальному признаку на неопределенные территории.

Поднимающийся революционный энтузиазм инородцев, стихийное законотворчество на местах, заставили наиболее дальновидную часть национальной интеллигенции нерусских народов ускоренно встраиваться в процесс революционно-строительства, налаживать связи с новыми государственными структурами центральной власти, пытаться возглавить процесс национального самоопределения и его оформления.

Такую задачу поставили перед собой встретившие февральскую революцию в Забайкалье представители бурятской интеллигенции, общественные деятели, многие из которых разделяли либерально-народнические идеи, были тесно связаны с партией социалистов-революционеров.

Инициативное ядро общественных активистов, обладало неординарными лидерскими качествами, имело опыт деятельного участия в нацио-

нальном движении в годы революции 1905-1907 годов, организовывало первые бурятские съезды Забайкальской области и Иркутской губернии.

Они знали организационные основы социально-политической борьбы, умело их применяли, чтобы организовать бурятский народ для достижения целей национального самоопределения, создания условий для гарантированного развития национальной культуры, языка, традиций.

Бурятские общественные деятели, пользовались заслуженным общественным авторитетом, обладали блестящими ораторскими способностями, были способны увлечь и повести за собой народные массы простых малограмотных бурят-кочевников. Общественная и просветительская деятельность, которую они неустанно осуществляли еще в дореволюционный период находясь на службе, в быту, в повседневной жизни, среди инородческого населения, сами являясь органичной его частью, дала положительные результаты.

Бурятское общество было готово к мобилизации в кратчайшие сроки для проведения реформ и организованных национальных выступлений.

В Чите 6 марта 1917 года состоялось частное совещание группы общественных деятелей и национальной интеллигенции. Оно обсудило текущий момент и признало необходимым призвать бурятский народ для поддержки Временного правительства России, пропагандировать выборы в Учредительное собрание, защищать «национальные бурятские интересы» [1, с. 6] в новых органах власти. Совещание избрало Временный Организационный комитет из шести человек, во главе с ученым, общественным деятелем, публицистом М.Н. Богдановым [2, с. 95].

Он был наиболее опытным среди восьми собравшихся. Революция застала его в Забайкалье, инспектором мелкого кредита, в том числе и по кооперации. Его организаторские способности проявили себя на практике еще в 1905 году, в Иркутской губернии, где он руководил национальными съездами и совещаниями, первыми сознательными социально-политическими выступлениями бурят. Талантливые научные труды по истории, экономике, этнографии, праву, землепользованию инородцев, характеризовали его как блестящего теоретика, способного применить свои знания на практике.

Собравшихся очень беспокоило, что в спешно формирующихся новых органах революционной власти практически нет законно избранных представителей от бурятского населения, ввиду того, что еще не состоялись выборные собрания (сугланы) на местах, в кочевьях. Поэтому совещание поручило «Организационному комитету представительство от данного совещания во всех общественных организациях» [3, с. 7] новой власти.

На этом собрании, явочным порядком, произошло создание и юридическое оформление будущего высшего руководящего органа национальным движением бурят. Признанный авторитет и статус собравшихся представителей интеллигенции, общественных и политических деятелей, уважаемых среди бурятского и русского населения, фактически легитимизировал факт взятия власти группой революционных энтузиастов, для достижения высокой цели – «представительства и защиты интересов бурятского населения» [3, с.7], национально-государственного строительства.

Перед Организационным комитетом была поставлена задача подготовки и проведения общенационального съезда бурят в Верхнеудинске, проведения в Забайкалье и Иркутской губернии частных совещаний бурят, созыв экстренных булучных и волостных сугланов (собраний) с целью организации и разъяснения населению происходящих событий, избрание представителей в общественные и правительственные организации для общественной работы по защите национальных интересов бурятского населения. «Положение осложнялись тем, - считает Ю.С. Ширапов, - что в начале XX века бурятский этнос в силу исторических причин не успел сложиться в нацию..., представляя собой народность, расколотую по религиозному признаку на две этнокультурные среды с отличными друг от друга образом жизни, складом характера, а также обычаями и традициями» [4, с. 19].

Бурятский этнос, оказавшись на пересечении путей двух мировых цивилизаций, на протяжении трех последних столетий, испытал интенсивное влияние христианства и буддизма на все стороны духовной и хозяйственной жизни. С присоединением Бурятии к Российскому государству, дальнейшее развитие национальных районов Восточной Сибири было во многом обусловлено той неоднозначной ролью, которую сыграли в истории бурятского народа такие мировые религии, как буддизм и христианство. Они вели борьбу за влияние на коренное население края, поэтому национальные районы Иркутской губернии и Забайкальской области представляли собой две имеющие некоторые отличия между собой этнокультурные среды.

На частном совещании бурятских общественных деятелей было признано целесообразным образовать и в Иркутской губернии особый комитет по созыву национального съезда, для пропаганды идей и целей новой власти среди инородческого населения. Организационный комитет, своим решением, расширил свои полномочия правом представлять интересы бурятского народа во всех новых органах власти, общественных и политиче-

ских организациях, в первую очередь в Забайкальском комитете Общественных организаций (КОБ) – органе Временного правительства. В него вошел М.Н. Богданов, который по своим политическим взглядам был ближе всего к социалистам-революционерам. В мае 1917 года, он уже не только занимал ответственные должности в КОБе, но и являлся членом Забайкальского обкома партии эсеров.

С первых дней революции, практические действия по решению национального вопроса инородцев Забайкалья и Иркутской губернии сосредоточились в среде национальной интеллигенции, которая вела трудовую деятельность в крае, проживала среди соплеменников, занималась их просвещением. Ее стремительная революционная самоорганизация для защиты национальных интересов бурятского населения, создала правовые условия для развития национальной культуры, языка, традиций, религиозных верований, гарантируемых государственной властью.

Обладея опытом политической борьбы, огромным желанием общественной деятельности в интересах собственного народа, национальная интеллигенция повела за собой массы простых всецело верящих в ее миссию инородцев.

В лице Забайкальского Организационного национального комитета фактически сформировался единый руководящий центр организованных бурятских выступлений, который выстраивал общую стратегию и тактику развития национального движения, творчески экспериментировал с методами политической борьбы, гибко взаимодействовал с органами государственной власти. Его легитимность, и право представлять интересы бурятского народа признавалась властью.

Таким образом, с самого начала своей деятельности бурятская интеллигенция, и часть цензовых элементов общества выступили в роли лидеров общенационального движения бурят.

Особое место в консолидации этноса принадлежало буддизму. Ю.С. Ширапов считает, что «Обращение народнической интеллигенции к буддизму не было случайным явлением, она видела в буддизме не только неотъемлемый элемент национальной культуры, но и фактор национальной консолидации» [4, с. 25].

Буддизм в форме бурятского ламаизма имел огромное влияние на жизнь бурятского населения Забайкальской области. Материальная и духовная культура забайкальских бурят, повседневная жизнь, быт, были тесно связаны с религией. Дацаны, кроме выполнения религиозных функций, являлись центрами образования, книгопечатания, иконописи, изобразительного и прикладного искусства. Ламаизм регламентировал всю повседневную жизнь бурят. В сложившихся условиях

освобождение общественного сознания от влияния религии встречало немалые трудности, тем более что Бурятия не прошла стадии промышленного капитализма и процесса секуляризации. Культура бурятского народа не разделялась на церковную и светскую. Религия в этих условиях являлась единственной идеологией, язык которой был понятен и доступен всему народу. Вот почему апелляция к религии со стороны национальной интеллигенции была вызвана объективными условиями общественного развития. Отказ от религиозной идеи в условиях того времени затруднял бы привлечение на свою сторону основной массы бурятского населения. Ламаизм – это не просто религия, а проявление и духовный оплот борьбы за объединение народа.

Положение осложнялось тем, что одна часть бурятского населения (Забайкалье) использовала буддизм, а другая (Иркутская губерния) в основном придерживалась шаманизма или приобщалась к православию. «В условиях, когда коренное население края не имело цельной территории и была слаба экономическая связь между национальными районами Восточной Сибири, - считает Ю.С. Ширапов, - основным связующим элементом национального единства в глазах местной национальной интеллигенции стала религиозная традиция» [4, с. 30].

На совещании Организационного комитета 10 марта 1917 года, для усиления состава и расширения представительства в нем авторитетных и уважаемых людей, было решено пополнить его новыми членами. Приглашение получили Цанид-Хамбо Агван Доржиев [2, с. 66-71], Ц.Ж. Жамцарано [2, с. 108-115], Б.Б. Барадийн [2, с. 90-95], Г.Ц. Цыбиков [2, с. 78-84], Н.В. Преловский [5], в том числе бандидо-хамбо лама, высший духовный чин ламаистов Забайкалья.

Совещание приняло решение добиваться национальной автономии с учреждением сейма с приданием ему законодательных функций по вопросам гражданских взаимоотношений, земельным, народного образования, здравоохранения, религиозным. Для организации масс было признано желательным образовать волостные, дацанские, булучные и аймачные комитеты [3, с. 8].

Бурятские национальные деятели боролись за создание единого национального фронта, за объединение всех слоев населения, добивались объединения «всех элементов нации».

На начальном этапе создания системы административных структур, претендующих на руководство бурятским национальным движением, выяснилось, что практически одновременно, инициативно, независимо друг от друга, были сформированы два руководящих центра в Чите и Петрограде, которые позиционировали себя единст-

венными легитимными организациями, получившими мандат на представительство от всего бурятского народа.

По поставленным перед собой целям и задачам эти два представительных органа, практически ничем не отличались друг от друга. Они ставили перед собой задачи деятельного представительства в органах государственной власти, защите коренных интересов бурятского народа, продвижения и решения вопросов национального самоопределения, создания правовых условий для гарантированного развития национальной культуры, языка, традиций, религии.

Естественно, что целью обоих претендующих на национальное руководство центров было создание национальной автономии, а в перспективе, и более широкое национально-государственное строительство, в рамках российского государства.

Объективности ради, надо отметить, что пути достижения поставленных целей и задач были до конца не разработаны, а иногда и неясны, часто решение выкристаллизовывалось в ходе бурных дебатов, споров, дискуссий на совещаниях, собраниях, в межличностном общении лидеров национального движения.

На практике, часто, тактика и стратегия общественно-политической борьбы выстраивалась нестандартно, творчески, в следствии конкретно сложившихся условий, в зависимости от требований текущего политического момента.

Кардинально различались два общественно-политических центра, претендующих на руководство национальным движением, видением конкретных результатов своей деятельности. Итогом работы по строительству национальной автономии, один из них видел возврат к старой, проверенной десятилетиями, структуре степных дум, консервирующей наследственную власть родовой аристократии с элементами усеченного народовластия на основе общинности. Второй, скорее, склонялся к национально-государственному строительству на основе максимально широкой экстерриториальной культурно-национальной автономии, в рамках российского государства, сообразно программы по национальному вопросу партии социалистов-революционеров.

За лидерство в национальном движении соперничали временный Организационный национальный комитет, возникший в Сибири и Бурятско-Калмыцкий временный Организационный комитет, образованный в Петрограде 9 марта 1917 года. Председателем его стал уполномоченный общепурятского общества по сбору пожертвований на нужды войны Н.А. Ханхасев [5], который был ярким сторонником «стародумцев» [7, с. 154]. Он известен своими консервативными взглядами на проблему развития национального движения.

Товарищем председателя (заместителем) являлся помощник присяжного поверенного учёный, этнограф, общественный деятель, известный просветитель калмык Н.О. Очиров [8, с. 418-422].

В декларации Бурятско-Калмыцкого временно-го Организационного комитета указано, что он «является центральным учреждением по всем делам этих народов» [3, с. 9]. Там же говорилось о задачах всемерного содействия Временному правительству; созданию на местах общественных организаций бурят и калмыков, которые должны были заменить старую систему управления с уничтожением институтов попечительской власти и крестьянских начальников, уездной полиции, с передачей власти в руки народа; прочного укрепления нового порядка на началах национально-культурного самоопределения и т.д.

Далее указывалось, что Бурятско-Калмыцкий комитет, для осуществления задекларированных целей и задач, сам «избирает комиссаров, которые,.... должны приступить к исполнительной и организаторской деятельности на местах их назначения.... Об избранных комитетом комиссарах своевременно Временное правительство будет поставлено в известность» [3, с. 9].

Под этим воззванием стоят подписи, кроме председателя и его заместителя, членов Комитета: «старший цанит хамбо лхарамбо Агван Доржиев; директор высшей буддийской духовной школы лхарамбо Баваев; ширетуй Буддийского храма Жигжитов; габжа Санжиев; уполномоченный бурят Оронгойской волости Б. Цыренжапов; управляющий Буддийским храмом Намсараев; помощник делопроизводителя Главного управления по делам местного хозяйства министерства внутренних дел Ефим Чонов; курсистка В.К. Лесгафта С. Хангалова; инородец Забайкальской области С.Д. Жамбалун; студент сельскохозяйственных курсов Григорий Чонов» [3, с. 9-10].

Удивительно, что самый авторитетный из подписавшихся под воззванием – Цанид-Хамбо Агван Доржиев, не стал председателем созданного Комитета, а являлся только «рядовым» его членом.

Не вызывает сомнения, что подписи поставлены в иерархическом порядке, по убыванию степени авторитета, значимости заслуг пред государством и соплеменниками, потенциальных общественно-политических возможностей подписанта. Несомненно, что значительную и наиболее авторитетную часть Комитета составляло петроградское буддийское духовенство, отличающиеся довольно консервативными взглядами не пути решения национального вопроса среди калмыков и бурят.

Таким образом, практически одновременно независимо друг от друга возникли два общественно-политических органа, претендующих на руко-

водящую роль в национальном движении бурятского народа. Поэтому не удивительно, что между ними началась жесткая конкуренция. У возникшего в Петрограде Комитета был ряд преимуществ, главным из которых было то, что он находился в столице, центре революции, в непосредственном контакте с органами государственной власти России. С другой стороны, это преимущество становилось недостатком, когда Комитет пытался наладить руководящую связь с регионами. Провинция жила своей самостоятельной политической жизнью. Существенно повлиять на развитие национального движения в Бурятии Бурятско-Калмыцкий временный Организационный комитет не мог. Связь с Забайкальской областью и Иркутской губернией была налажена слабо. Самым оперативным средством коммуникации был телеграф, который не мог удовлетворить растущих потребностей организационно-политической работы. Надежда на политическую инертность и социальную ведомость собственного народа не оправдалась. Революционное сознание народных масс, руководимых национальной интеллигенцией выросло на столько, что был создан в крае действительно демократический, представительный орган, обоснованно претендующий на руководство национальным движением – Временный Организационный Бурятский национальный комитет, легитимность которого была очевидна. Впервые в истории бурятского народа был создан единый общенациональный орган автономного самоуправления.

Образовавшийся в Чите Комитет, 19 марта 1917 года был крайне обеспокоен появлением неожиданного общественно-политического конкурента, нескоординированная деятельность которого вместо пользы общему делу, могла принести существенный вред начавшемуся национально-государственному строительству.

Для разъяснения сложившейся ситуации, он послал в Петроград телеграмму, в которой сообщал, что «из телеграмм и газет Временному Национальному Комитету в Чите стало известно о факте возникновения в Петрограде Бурятского Калмыцкого Комитета» [3, с. 10]. Далее, в ней, приводились неопровержимые доказательства полной и неоспоримой собственной легитимности и «полномочиях полученных на совещании представителей забайкальских бурят и тунгусов, с бандидо-хамбо ламой во главе, состоявшегося в Чите на 12 марта, (на совещании участвовало до 60 человек)» [3, с. 10].

Живая полемичность данного послания в столицу подтверждает тот факт, что Забайкальский Областной Комитет Общественной Безопасности (КОБ) был извещен об образовании Бурятско-Калмыцкого Национального Комитета в Петро-

граде, разумеется, это было в интересах петербуржцев.

Читинский национальный Комитет не получал соответствующего уведомления, и, вероятно, не мог получить. Потому что, принятая его оппонентами стратегия на демонстрацию полной неосведомленности о его существовании не подразумевала налаживание деловых контактов. Его конкуренты были территориально значительно ближе к центральным органам власти всех уровней, соответственно – более осведомлены о планах Временного правительства.

Приведенный выше факт говорит о том, что Бурятско-Калмыцкий Национальный Комитет не общался о своем образовании, или из тактических соображений, претендуя на роль лидера в руководстве национальным движением, и не замечая конкурента; или он не знал об образовании Временного Национального Организационного Комитета в Чите, что мало вероятно. Если исходить из второго предположения, то можно с большой долей уверенности утверждать, что Бурятско-Калмыцкий комитет не располагал информацией и не контролировал развитие национального движения в Бурятии. Читинский Комитет настойчиво искал контактов с тем, «чтобы Национальный комитет мог встать в то или иное отношение с Бурятско-Калмыцким комитетом или войти с ним в то или иное соглашение на предмет откоординирования действий обоих комитетов» [3, с. 10].

Петроградский Комитет проигнорировал возможность совместной работы с Временным Орга-

низационным Национальным Комитетом. Своим апрельским воззванием 1917 года он косвенно ответил на перспективу совместной работы, настаивал на необходимости «представлять перед Временным Правительством, до созыва Учредительного собрания, интересы края» [3, с. 12].

Только 19 апреля 1917 года, ровно через месяц после телеграммы из Сибири, была послана ответная телеграмма с предложением «усилить Комитет командированием сюда видных общественных деятелей для совместной выработки с членами Временного правительства проекта Учредительного собрания и Земского правления» [3, с. 12].

Таким образом в марте-апреле 1917 года явочным порядком, независимо друг от друга, были созданы два общественно-политических руководящих центра национальным движением бурятского народа. Один в революционной столице, другой в Сибири. Оба созданных национальных комитета ставили перед собой одинаковые задачи, претендовали на лидерство в руководстве национальным движением, активно сотрудничали с революционными органами государственной власти всех уровней. Жесткая конкуренция за руководство национальными процессами привела фактически к складыванию системы «двоевластия», которое просуществовало до Второго Общебурятского съезда при Гусиноозерском дацане (10-15 июля 1917 года).

Литература

1. Ринчино Э.Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ: Комитет по делам архивов при Совете министров Бурятской ССР, 1994. 236 с.
2. Выдающиеся бурятские деятели. XVII - начало XX вв. Улан-Удэ, 1994. Вып. I. 144 с.
3. Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. Документы и материалы / сост. и науч. ред. Б.Б. Батуев. Улан-Удэ: ОНЦ Сибирь, 1994. 200 с.
4. Ширапов Ю.С. Бурятская интеллигенция и общественно-политическая мысль Бурятии в начале XX в. Улан-Удэ: ОНЦ Сибирь, 1993. 47 с.
5. Бабаков В.В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917-1919 гг. Улан-Удэ, 2012. С. 43.
6. Феномен Зандана Ханхасаева // Окружная газета «Усть-Ордын Унэн»: электрон. журнал. 2018. 21 февр. URL: https://unen.ucoz.net/news/fenomen_zandana_khankhasaeva/2018-02-21-709 (дата обращения: 19.04.2021).
7. Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 337 с.
8. Гатапов А.С. Очиров Номто Очирович // Монгольская историческая энцикл. Улан-Удэ, 2015. 688 с.